

27 НОЯБРЯ - ПАМЯТЬ АП. ФИЛИППА

Св. ап. Филипп родился в Вифсаиде и был из числа двенадцати апостолов. Он был из числа тех людей, которые пламенно желали скорейшего явления в мире Спасителя. Услышав об Иоанне Крестителе, св. ап. Филипп покинул дом родительский и сделался одним из ближайших учеников Предтечи. С восторгом он узнал от св. Иоанна, что ожидаемый Мессия уже пришел. Когда Спаситель, после крещения и сорокадневного поста в пустыне, вышел на проповедь, то Он встретил св. ап. Филиппа и сказал ему: «гряди по Мне» (Иоан. 1:43). Св. ап. Филипп безпрекословно последовал за Господом, привел к Нему друга своего Нафанаила и с этой минуты сделался неотлучным последователем и ревностным учеником Его. Св. ап. Филипп за ревностное проповедание евангелия распят был на кресте головою вниз. По имени св. Филиппа называется пост пред праздником Рождества Христова, начинающийся 28 ноября.

Мы видели, что лишь Божественный глагол: следуй за Мною! коснулся слуха Филиппа, – Филипп оставил все и последовал за Христом и уже никогда до самой смерти не оставлял Его. Такова сила Божественного гласа.

Но не одних св. апостолов зовет к Себе Господь: зовет Он и каждого из нас и зовет непрестанно. Со времени первого гласа Божия к первому грешнику: «Адаме! где еси?» этот голос немолчно раздается и будет раздаваться до окончания века в уши каждого человека-грешника. «Се стою» (Ап. 3, 20), говорит Сам Господь, «у двери и стучу»: не отворит ли кто Мне сердца своего, не услышит ли кто гласа Моего. Многообразие и многообразие Бог говорит каждому из нас: следуй за Мною. «Следуй за Мною», а не за плотью, говорит Он в совести нашей. «Следуй за Мною», а не за миром, говорит Он в слове Своем. «Следуй за Мною», а не за своими страстями, за своею скупостью, за своим честолюбием, говорит Он в поучениях пастырей церкви. «Следуй за Мною», а не за тысячею предметов, которые только обольщают тебя суетно, но никогда не сделают тебя счастливым. Посмотри на небо, куда тебя зову, как оно прекрасно; можно ли сравнить его с землею? Но зачем же привязываешься так сильно к земле? Посмотри, сколько лжи, коварства в мире; а в обителях Моих правда, и мир, и радость о Дусе Святе (Римл. 14, 17), тишина, согласие и любовь.

Зовет нас к Себе Господь, а мы не идем. Простирает к нам Свои руки, а мы

отвращаемся от Него. Накануне воскресных и праздничных дней колокола благовестят человеку великую радость: «иди к Богу! иди к Богу! Помни день воскресный!»; а мы сего поистине громового гласа не слышим, и спокойно идем кто на поле свое, кто на село свое, кто в собрания общественные, кто на суетные зрелища, кто в гости, к кому самому гости.

Отчего же, Господи, слово Твое, так живо и спасительно действовавшее на умы и сердца св. апостолов, не действует на наши сердца, на наши умы? Среди шума страстей, воюющих в плоти нашей, среди шума мирских удовольствий, не слышим мы голоса Бога, зовущаго нас к Себе; голос Божий не находит отголоска себе в душе нашей, как голос вопиющего в пустыне; не так душа наша настроена, чтобы слышать его; не о том думает она, не к тому стремятся ее мысли и желания.

Св. ап. Филипп так скоро и радостно отозвался на голос Христа потому, что он имел душу уже предочищенную, хорошо настроенную для того, чтобы слышать Господа. Послушаем, что он говорит: «обретением Мессию». «Обретением», – значит он искал Христа, думал о Нем, желал, чтобы Он пришел скорее. «Обретением, говорит он, о Котором писали Моисей в законе, и пророки»... Значит он читал св. писание, поучался в законе, испытывал писания... Вот чем, братья, душа наша очищается от дурных мыслей; вот чем предуготовляется к слышанию гласа Божия.

Св. ап. Филипп, как услышал глас Божий, тотчас оставил все и последовал за Христом; не стал он раздумывать, не стал говорить: Господи! позволь, я прежде кончу свои земные дела; позволь прежде пойти похоронить отца моего, как говорили Спасителю впоследствии времени желавшие последовать за Ним и не последовавшие (Лук. 9. 59. 61), или как некогда до своего обращения говорил блаженный Августин: «спаси меня, Господи, но еще не теперь; сейчас встану, еще одну, одну минуту». В деле спасения нашего все, братья, зависит от «решимости» повиноваться голосу Божию, решимости безусловной, скорой, неотложной. «Кто хочет плыть, говорит приснопамятный Филарет, митрополит московский, тому прежде надлежит отвязать, или, для поспешности, отсечь веревку, которою лодка его прикреплена к берегу. Кто желает быть действительно на пути к небу, тому надлежит или постепенно – со вниманием и усилием разрешить, или, если боится закоснеть, и если чувствует в себе довольно силы, – решительным ударом отсечь все страстные, земные привязанности» (Изд. 1848 г. 1. 90). Вот этой-то твердой решимости в большей ча-

сти из нас и нет. Многомилостив Господь; Он иногда и против воли нашей заставляет слышать голос Свой. В самом деле, кто из людей самых рассеянных не слышал в душе своей голос Божий и не говорил самому себе: довольно! Пора остепениться, пора позаботиться о спасении души своей? Кто из нас самих не сознавал не раз, а даже несколько раз, что хорошо бы поусерднее и Богу молиться каждый день, и каждый день читать слово Божие, и уделять часть имени своего в пользу бедных, и неопустительно по праздникам ходить в церковь? Да, появляются и в душе нашей святые мысли и рассеивают окружающий нас греховный мрак, и не без содрогания видишь тогда себя в бездне греховной, не без ужаса сознаешь, что ты и несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Ап. 3, 17); в душу прокрадывается умиление, и готов иногда бываешь все сделать, чтобы выйти из этого ужасного состояния, готов непрестанно, подобно ап. Петру, вопиять и иногда действительно вопиешь: Господи! спаси меня, погибаю! (Мф. 14, 30). Но отложишь исправление до следующего дня... и увя! в большинстве случаев отложишь навсегда. Как молния явилась святая мысль, как молния и исчезла, и ты, по прежнему, во тьме греховной. Посему-то и заповедуется нам «не отлагать день от дня спасения» (Рим. 13, 12. 13). Увя! Каждому из нас по опыту известно, что значит отложить свое спасение до другого дня. Не так поступил св. Филипп: он услышал слово Божие: иди за Мною, – и сейчас пошел.

Но св. ап. Филипп не только сам пошел, но и привел ко Христу своего друга Нафанаила... Заботясь о своем спасении, не забудем позаботиться и о спасении своих друзей. Часто мы клянемся друзьям своим в вечной дружбе. Но ведь вечно будем жить не на земле, а на небе. Позаботимся, чтобы друзья наши остались нам друзьями не только здесь на земле, но и там, на небе; чтобы нам и на небе встретить их с большею радостью и любовью, чем с какою мы встречаем их здесь, на земле... Вот что говорит св. Златоуст: «хотя бы все в нашей жизни устроено было хорошо, довольно, этого одного греха – небрежения о спасении ближних, чтобы свергнуть нас в геенну» (Слова, III, 77). Какое страшное слово! Убоимся, братья, поревнуем св. Филиппу, который, спасшись сам, заботится о спасении своего друга и влечет его ко Христу.

Подражая св. ап. Филиппу в последовании Христу, будем подражать ему и в решимости оставить все, что препятствует идти за Христом, и в обращении друзей, знакомых и ближних своих ко Христу, Спасителю мира.

Прот. Григорий Дьяченко

(Продолжение)

Но старик перебил меня: «Так ведь собор запретил троить, а повелел: отныне всем православным христианом пети двоегубое аллилуиа. Что было позволительно до собора, то стало ересью после соборного запрещения. До 1-го Вселенского собора было в обычае у асийских христиан праздновать Пасху в 14-е число еврейского месяца Нисана; но когда 1-й Вселенский Собор отменил этот обычай и повелел всем праздновать по-теперешнему, то еретиками оказались те, которые не хотели слушаться собора. Сам, небось, в Кормчей читал о четырехнадесятниках?»

— Читал, и хорошо эту историю знаю. Я собирался все рассказать тебе, дедушка Евсевий, в наставление, что непременно надо слушаться соборного постановления. Вот видишь ли, эти четырнадцать стояли за старину: они, как и вы, не хотели расстаться с тем, что отменил собор. За такое свое староверье, которое не хотело знать, что есть покорение соборной власти, они и обозваны, как ты сам, видно, знаешь, прямо еретиками (Кормчая, правила 2-го Всел. соб. 7-е; 6-го Всел. соб. 95-е, Лаодик. 7-е). Научитесь же вы из этой истории, что необходимо слушаться собора и покоряться ему.

— Мы и покоряемся ему, — Стоглавому собору, бывшему во время благочестия, при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче и при митрополите Макарии...

— Этак, по-твоему, и четырнадцать оправдались бы: «не хотим знать решения нового собора; будем стоять за старину... Апостолы: Иоанн Богослов и Филипп нам дали заповедь в числе праздновать Пасху: зачем переменять их предание»?... Но соборы их осудили за непокорение власти. Да еще горе твое в том, дедушка Евсевий, что ты опоздал родиться... Тебе бы надо родиться еще тогда, когда действовало правило Стоглавого собора; теперь же надо слушаться другого собора, большего сравнительно со Стоглавым, на котором председательствовали не один митрополит, как на Стоглавом, а три патриарха...

— Это вашего Никоновского-то?! Изба-ви Боже!...

— Какой он Никоновский? Никона он судил не легче вас: на вас клятву наложил, а Никона лишил патриаршества и осудил в заточение. Как же ты говоришь, что это Никонов собор? Нельзя этого собора не слушаться; и об аллилуии он правильно постановил, отменив решение собора Стоглавого.

Старик не решился настаивать, что Большой Московский собор не мог отменить решение Стоглавого: как видно, он знает, что позднейшие соборы исправляли и дополняли, даже вовсе отменяли решения ранних соборов. Он только попытался было снова доказывать справедливость решения Стоглавого собора, отменившего древний обычай троить аллилуиа; но потом вскоре перешел к другим предметам.

Сколько упомяну, эта беседа об аллилуии чуть ли не единственная за все время моих собеседований со старообрядцами: не заводят они речей об этой

НЕ В ПЕРСТОСЛОЖЕНИИ ВЕРА

нашей мнимой «ереси»... Должно быть и сами понимают, как несправедливо такое обвинение и что доказать его нельзя. Другие молчат об этом и по незнанию; а Евсевий весь век свой изжил на книгах: он и о Стоглаве поговорил! Другие краткословнее его. Кого предпочесть? — не знаю. Плохо, если старообрядец прост да малограмотен; плохо, если и хитр, да еще начитанный. Хорошо, если бы они были и мудры, как змеи, и просты, как голуби...

Перешли к троеперстию. Старик Евсевий объявил, что в нем содержится Севирова ересь.

— Севирова ересь?! — удивился я.

— Да! — с улыбкой, уверенно произнес старик. Ведь Севир учил, что на кресте страдала вся Святая Троица, Отец и Сын и Дух Святой. Вот и вы ту же ересь проповедуете, вознося три персты — знамя Троицы на чело, на живот и на оба рамена, т. е. накрест.

— Очень, дед, хитро! Слыхал ли ты хоть раз где-нибудь, чтобы в церкви пели, или читали, что за нас распялся не Сын Божий, но вместе с ним и Отец и Святой Дух?

— Нет, не слыхал. Но в том-то и ошибка ваша, что вы «словами проповедуете одно, а дела — другое»... Выходит, что вы своим крестным знаменем проповедуете Севирову ересь...

Старик самодовольно оглядывал и меня и слушающих. Я мог бы сейчас же прекратить его самодовольство, указав ему, что этакая Севирова ересь, какую он видит в нашей церкви, есть и в Большом Катихизисе, и в Иосифовской Псалтири, и в двух местах Кирилловой книги. Но прежде доказательства от книг мне хотелось так, словами, образумить старика. Однако он стоял на своем и продолжать утверждать, что мы повинны в Севировой ереси...

Мне стало досадно. «Опомнись, говорю, — что ты толкуешь! Господь с тобой!» И при этом невольно перекрестил его. Нужно было видеть, какое впечатление произвело это благословение! Женщины, прихожанки Евсевия, захохали: «Что ты! что ты обижаешь старика!» Сам Евсевий побелел с досады, и потом говорит: «Хорошо благословение от православного священника!». А ты-де еретик!

— Не сердись, старик, — говорю ему. — Ведь право сил нет слушать твои речи! Какая у нас Севирова ересь, когда ты и сам признаешь, что мы словами ее не проповедуем. Разве ты где читал, что бывает ересь не словесная, а ручная, перстная? Не придирайся к перстам. Ведь, если этак, по-твоему, придирайся, то иной и у тебя в перстосложении отыщет Севирову ересь, да еще и Ариеву.

— Как так?

— Ты ведь 1-й, 4-й и 5-й персты соединяешь вместе во образ Святой Троицы, все равно, как мы 1-й, 2-й и 3-й в честь Троицы же?

— Да.

— А 2-й и 3-й в знак двух нераздельно соединенных во Христе естеств, все равно, как мы для того же соединяем 4-й и 6-й?

— Да.

— Скажи же ты мне: куда ты деваешь три перста, когда рукою полагаешь крест на себе? Не прячешь же ты их куда-нибудь? Значит, тоже проповедуете, что Троица на кресте страдала!

— Все же я лба касаюсь не тремя, а двумя!...

— Но где два, там и три, — это верно. Рассуждай я по-твоему, я должен бы и тебе навязать ересь Севирову. Но я стыжусь придираюсь к пальцам, да к буквам.

— Буква — великое дело... А ты покажи, где велено креститься тремя перстами.

— Пронеси Кириллову книгу. На листу 236 православный грек упрекает католика: «и почто ты не согбаешь трех перстов, когда правой рукой крестишься, почто ты крест твориши обоими (двумя) перстами» и т. д. И Большой Катихизис велит тремя перстами креститься...

— Там не ясно сказано...

— А ты принеси книги, почитаем. Ведь у тебя много книг.

Старик пошел за книгами. В это время хозяйка собрала обед и мы сели за стол. Так как перстосложение наше — главная причина, почему старообрядцы не идут в церковь, то я рассудил написать Евсевию несколько слов в дополнение к сказанному на беседе. Записку эту дней чрез пять после этого я передал Беседнинскому священнику для препровождения к дедушке Евсевию. В ней я убеждал старика верить во св. Евангелие не так, как веруют беспоповцы, а в целости, всему; и таинство святого причащения считать необходимым для своего спасения по Христову слову: аминь, аминь глаголю вам: аще не съесте плоти Сына Человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе; и не говорить о церкви, что не знаю, есть ли она, или нет, потому, что сам Спаситель сказал: созижду церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. А есть церковь, — писал я, — есть и все тайны, в лишении которых живут беспоповцы. Веруй в Евангелие, и не придирайся к перстам. Не ищи того, что не положено; не ищи ереси там, где ее нет. Ты находишь Севирову ересь в

нашем перстосложении, — это хитро, но не верно; сам же ты говоришь, что словами мы не проповедуем этой ереси. А если ты будешь придираться к нашему троеперстию, то иной из наших, такой же хитрый, как и ты, спросит у тебя: «Во Святой Троице сколько лиц?» — Три, — ответишь ты. — «Перечти по порядку!» — Первое, скажешь, Отец, второе — Сын, третье — Дух Святой. — «Они раздельны, или нераздельны?» — Нераздельны — ответишь ты. А он и скажет тебе: «Зачем же ты, дедушка Евсевий, великий любитель обличать чужие ереси, не выраженные словом, а выражаемые будто бы перстами, — зачем же ты, во образ Святой Троицы, единосушной и нераздельной, слагаешь неравные, врозь, не по порядку стоящие персты: первый, четвертый и пятый? Разве Сын четвертое лицо, а Святой Дух пятое? Где ты, дедушка Евсевий, научился такому арианству?» Ты скажешь этому твоему обличителю, что у тебя и в мыслях нет арианства, что ты православно устами исповедуешь Сына Божия, — а он тебе; этот хитрый человек, в ответ: «Мало ли что?! Ты словами — православен, а дела (персты) арианин»... Не придирайся же, дедушка Евсевий, к перстам: не в перстах наша вера. Ты послушай, что церковь, Христова Невеста, проповедует: «возлюбим друг друга, да единомыслием исповецмы Отца, и Сына, и Святого Духа, Троицу единосушную и нераздельную». «Единомыслием, едиными усты и единым сердцем», а не едиными пальцами... Единоверие церковь проповедует, а не единообрядство. А вы, в тоске и погоне за единообрядством, утратили единоверие... Надо соединиться вместе и жить не сектами, а церковью. Такие мысли я изложил в письмеце к Евсевию. Если оно дошло, не знаю, что подумал над ним старик.

Еще во время обеда вернулся Евсевий с книгами.

— Кирилловой не принес, — говорит; — нету дома; отдана кому-то.

Может быть и действительно отдана, а может быть очень «темна и непонятна» показалась старику 236 страница, потому он книги и не принес. После обеда продолжали беседу.

— Читай ты, дед, сам по Большому Катихизису о том, как надо креститься.

Было прочитано: «сложивше убо три персты десныя руки, возлагаем на чело» и т. д. Было дальше прочитано, что это не наши три персты, 1-й, 2-й и 3-й, а старообрядческие: 1-й, 4-й и 5-й. Но было ясно, что Большой Катихизис велит, хоть и не нашими, но все же тремя перстами креститься.

— Что же это, Севинова ересь? — спрашиваю.

Но старик повернул разговор с догматики на историю и археологию.

— Скажи мне, — начал старик, — князь Владимир как научен был от греков креститься?

— Не знаю, — ответил я, — как именно и какие персты соединял князь Владимир; но то хорошо знаю, что он веровал одинаково со мной и с тобой и во Святую Троицу и в то, что в едином лице Господа нашего И. Христа нераздельно и неслиянно соединены два естества, Божеское и человеческое. Еще и то хорошо знаю, что князь Владимир не был беспоповщинской веры: он не был ни филипанин, ни

федосеевец, ни даниловец, ни спасовец, ни странник, так как я хорошо знаю, что князь Владимир был крещен лицом священным, а не мужиком (как у вас), что он был запечатлен печатью дара Духа Святого и, имея сию печать Христову, не боялся антихристовой печати и надоедливо не толковал об ней всем и каждому (как толкуете вы). Знаю еще и то, что у него был духовник, который данно ему властью разрешал его от содеянных им после крещения грехов (а не перекрещивал его вторично и третично и... десятерично мужик, как у вас, где нет разрешения от грехов в великом таинстве покаяния). Знаю хорошо, что православный князь Владимир ходил в храмы, и даже сам много их построил (а не так, как вы, не имеющие ни единого на всем свете «своего православного» алтаря). Знаю хорошо, что хоть и постился князь Владимир во времена, установленные церковью, и делал множество дел благотворения, но не думал, как фарисей в евангельской притче, что Бог введет его в рай за пост и милостыню: нет, он считал себя великим грешником, и когда причащался тела и крови Христовых, то говорил, как и я теперь и всякий православный говорит: «верую, Господа, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз...» (а не так, как вы всю свою надежду возлагаете на свои посты, молитвы и добродетели, и не хотите принять животворящих Христовых тайн во оставление грехов). Знаю также хорошо, что Владимир был венчан на греческой царевне православным священником (а не так, как у беспоповцев живут мужчины с женщинами небрачным, блудным житием). Еще и то знаю, что Владимира князя, когда он, как истинный христианин, скончался, исповедовавшись и причастившись святых тайн, похоронило православное духовенство, и не в лесу (не как у вас). Словом, — я хорошо знаю, что князь Владимир был нашей, церковной, но не вашей, беспоповщинской, веры. Нисколько вы на него не походите, ни он на вас...

Когда я упоминал имена разных сект, то дедушка Евсевий нетерпеливо махнул рукой, как бы в обиду на меня за то, что я все эти секты ставлю на одну доску, равняя с его странничеством.

— Ты не считай те согласия за старую веру, — говорил он, — они отступились от православия, они прямо признали себя за «раскольников», когда вписались в «раскольнические записки», — мы их и за христиан не считаем...

— И перекрещиваете?

— И перекрещиваем...

— А они вас перекрещивают? и тоже не считают за христиан?

Но старик убедительнейше просил не обращать внимания на остальные старообрядческие веры, которые, к великому его негодованию, спорят с странничеством из-за титула «старой», дониконовской веры. Однако я просил Евсевию обратить внимание на это взаимное разделение старообрядчества.

Это отступление в сторону разных сект старообрядчества было сделано по поводу моего слова, что «князь Владимир не был ни филипанин, ни федосеевец, ни дани-

ловец, ни спасовец, ни странник». Когда я кончил говорить, чем святой Владимир был не похож на старообрядцев, то прибавил:

— А что, может быть, он крестился и по-твоему, так это не делает его единоверным тебе: ведь не считаешь же ты домшинских единоверцев, прихожан о. Максима, своими по вере, хотя даже и сам о. Максим крестится двуперстно.

— Единоверие — ловушка, в роде унии! — возразил Евсевий.

Я поговорил несколько об Единоверии, и тем с большим интересом для слушателей, что в числе их было несколько единоверцев из домшинских.

— Сходства, — говорил я, — очень мало между единоверцами и униатами. Уния между православными и католиками хотела окатоличить православных; единоверие же не грозит опасностью для православной веры тех, кто держится его: у нас, у меня и у них (указываю на единоверцев), одна вера, одна чаша святых даров, одни заповеди и порядки жизни. Я не считаю их менее православными, нежели мы сами: мы с ними именно одной веры, хотя и разнимся тем, что не одинаково персты складываем; ни я их не гоню из своей церкви за их двуперстие, ни они меня за мое троеперстие не гонят из своей. Я у них не раз бывал в церкви; и в Москве в единоверческой церкви бывал же, и в Калуге, — и ни откуда не выгоняли. Не так поступают староверы с людьми не их веры! Ты, дедушка, хоть бы разок побывал в Домшине да посмотрел, что такое Единоверие...

— Но пусть ты не считаешь единоверцев единоверными себе, — продолжал я, — не взирая на их двуперстие, потому что считаешь их отступившими в никонианство. А почему же твое сходство по двуперстию с федосеевцами и филипанами не сделало тебя ни федосеевцем, ни филипаном? Значит, есть между вами большая разница... Так же точно и тут: если бы и действительно крестился Владимир князь по-твоему — двуперстно, но он не был ни странник (значит не был твоей веры), ни филипанин, ни федосеевец, словом, не был «старообрядец»; он был церковный, православный, — вы бы назвали его даже никонианином, или по-твоему униатом-единоверцем, только отнюдь не своим старовером.

— А каким крестом Владимир крестился, так ты и не знаешь? — допытывался старик.

— Это не важно знать; хоть, конечно, любопытно для нашего разговора. Но не в перстосложении вера. Владимир был православный, по-нашему, а не был таким, как вы, — не знаящим, где делась, куда скрылась Невеста Христова, покинувшая вас, своих чад, на произвол судьбы, не оставившая вам ни хлеба небесного, ни чаши жизни, чтобы вы, христиане, вкусив их, могли познать и видеть, яко благ Господь...

— А вот у меня книжечка, — начал дедушка Евсевий, — тут прямо написано, что святой благоверный князь Владимир от греков, при самом святом крещении, был научен креститься двуперстно. Значит, наша правда...

(Продолжение следует)

Из книги: «Записки миссионера Вологодской епархии» (1891). И.В. Полянский.

Расписание богослужений с 25 ноября по 1 декабря 2019 г.		
25 ноября Понедельник	Свт. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского	
26 ноября Вторник	СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО, АРХИЕП. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
27 ноября Среда	Апостола Филиппа	
28 ноября Четверг	Мучеников и исповедников Гүрия, Самона и Авива	
29 ноября Пятница	АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА МАТФЕЯ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
30 ноября Суббота	Прп. Никона, игумена Радонежского, ученика прп. Сергия	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
1 декабря Воскресенье	НЕДЕЛЯ 24-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ Мчч. Платона и Романа	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

МИЛОСЕРДИЕ

Слово «милосердие» весьма многозначительно и имеет широкий смысл. Милосердие нельзя смешивать со значением слов «добро», «польза», «благотворительность», оно подобно только слову «любовь».

Христос учил, что милосердие заключается в таких действиях, как

накормить алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, утешить скорбящего, посетить больного или заключенного и наставить заблудших. Во всем этом Господь требует личного труда, в доказательство любви нашей к ближнему.

Что милосердие есть добродетель, возможная для человека, Христос засвидетельствовал данною нам заповедью: Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд (Лк. 6,36).

Милосерд тот человек, который делает добро недостойным, ибо достойным принадлежит не милость, а воздаяние как плата за труд.

Не тот только милосерд, который творит дела милости, но и который хочет сделать добро, да не может, хочет помочь просящему, да не имеет чем. Милосердие есть плод любви, присущий ей, как теплота неразлучна с огнем.

Большое добро делает человек, подающий милостыню, жертвующий своими излишками, но это еще не милосердие. Так ли поступают брат с братом? Мы должны делиться с ближним не только излишками, но и последним куском хлеба, больше того, на нас лежит долг подчас

лишать себя любимого, привычного и отдавать это в пользу брата или сестры.

Люди часто нуждаются не столько в крыше, как в участии и теплоте сердечной. Кто благодетельствует и тем и другим, тот истинно милосерд.

МИЛОСТЫНЯ

Всем христианам должна быть известна заповедь о милосердии, о благотворениях: «Будьте милосерды» (Лк. 6:36).

Важно каждому подумать и решить: в какой мере каждый из нас должен выполнять обязанности благотворения, какую часть своего достояния должен каждый отдавать нуждающимся ближним?

Высшее Евангельское требование, как известно, состоит в том, чтобы быть готовым все свое отдать просящим и нуждающимся, но это, конечно, ступень, на которую не всякий может стать сразу. «Но если нельзя сразу стать всякому на такую высокую ступень христианского самоотвержения, – говорит один проповедник, – чтобы все свое отдать на пользу ближних, то, с другой стороны, нельзя и тем довольствоваться, чтобы оделять нищих копейками, заваливающимися в карманах, имея в сундуках десятки и сотни тысяч рублей, и при этом считать себя серьезно исполняющим обязанности христианского благотворения, припоминая при этом Евангельскую вдовицу, стяжавшую себе благословение Христа пожертвованием одной лепты на дело Божие» (см.: Лк. 21,1–4).

Примером этим очень многие злоупотребляют. Припоминая эту евангельскую лепту, нужно помнить и то, что в ней заключалось, по слову Христа, все достояние бедной вдовицы, и ее-то она со всем усердием и без всякого колебания и тщеславия пожертвовала, чем и привлекла на свое усердие благословение Христа.

В законе христианском не положено общих правил благотворения, но каждый христи-

анин, имея в виду общие нравственные требования и условия своего личного положения, обязан соблюсти требование религии и определить размер своих благотворений. «Какими устами скажешь: услыши мя, Господи! – говорит святитель Тихон Задонский, – когда сам не слышишь бедного, или, вернее, в бедном Самого Христа, вопиющего к тебе!»

МИР СЕЙ

Нельзя надеяться, чтобы на этой грешной земле когда-нибудь был полнейший мир, так как и на небе нет отчасти внешнего мира; Господь имеет Свое небесное воинство, предназначенное для постоянной борьбы с многочисленными падшими духами.

Мы видим, что с веками внешний мир все более и более нарушается и исчезает. В наше время земля вновь покрывается мглой неверия, вражды, борьбы, сомнения, отчаяния и непослушания. Многие общества стремятся к разрушению христианских начал.

Но, по слову Христа, на все это надо смотреть и не ужасаться ибо надлежит, всему тому быть! (Мф. 24:6). Для чего же подобает быть? Чтобы человечество спаслось скорбями и покаянием. Когда оно допьет чашу бедствий до дна, познает свое безумие, тогда только оценит благодетель Божия мира.

Разве Сын Божий вочеловечился, чтобы улучшить и изменить внешнюю жизнь людей, даровать им земной покой, поправить телесную смерть, уничтожить бедствия, бури, распри и войны?

Он пришел в мир, чтобы изменить внутреннюю жизнь Своих учеников и последователей, спасти их души от духовной смерти, излить на них искупительную благодать Святого Духа, чрез Себя примирить и соединить с Отцом Небесным, привлечь в истинное Царство, которое не от мира сего и, наконец, чтобы даровать блаженство и Жизнь Вечную.

Священномученик Серафим (Чичагов)

